

NAZIM HIKMET IN TATAR CULTURE

Apollinariya Sergeyevna Avrutina,

Saint Petersburg State University,
11 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation,
a.avrutina@spbu.ru.

Mileusha Mukhametzyanovna Khabutdinova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
Mileusha.Khabutdinova@kpfu.ru.

The Republic of Turkey quickly gained dominance over the rest of the Turkic world due to a number of political and economic reasons. For centuries it influenced cultural processes in Turkic-speaking regions, sometimes even those far from the borders of the empire. Many Turkic-speaking thinkers studied in Istanbul, spoke Ottoman / Turkish, and worked with an eye to their Turkish colleagues. Tatarstan was no exception. In the 20th century the tradition of cultural continuity was largely preserved despite the fact the founders of the Turkish Republic found new ideals that had little to do with religion and established the secular ideology. Thinkers of the Turkic world in general and Tatarstan in particular looked up to Turkey when it came to ideology. Turkey was the avant-garde of the Turkic world and it “borrowed” not the religious ideas, but the ones that were advanced and relevant. For centuries Tatar literature was developing in the context of a lively dialogue with Turkish literature. Nazim Hikmet (1902–1963), the Turkish humanist, thinker and communist writer, occupies an important place in the history of Tatar literature of the 20th century; his works were on everyone’s lips and had a profound influence on the cultural life of the Tatars.

The article aims to systematize the materials related to the perception of work and personality of the Turkish writer in Tatar literature. We focus on the history of the translations of N. Hikmet’s works into the Tatar language and show how special N. Hikmet’s image in Tatar poetry is. Our analysis of his poetic texts revealed a typological similarity with the works by Tatar writers. The article also summarizes the material on the history of the stage interpretations of the works of the Turkish writer in the Tatar theatre.

Key words: Tatar and Turkish literature interrelations, Nazim Hikmet, translation, stage interpretations, dedication poems.

<i>Труженик я;</i>	<i>I work hard;</i>
<i>Вдохновение с головы до</i>	<i>I’m inspired from head to</i>
<i>пят.</i>	<i>foot.</i>
<i>Вдохновение взгляда,</i>	<i>Inspiration is in the eyes,</i>
<i>мысли, сути.</i>	<i>thought and sense.</i>
<i>Вдохновенье – баюкать</i>	<i>Inspiration is in singing</i>
<i>дитя,</i>	<i>lullabies,</i>
<i>Вдохновение рассветать.</i>	<i>Inspired to dawn</i>
<i>Вдохновенье – сквозь</i>	<i>Inspired to go through</i>
<i>тернии к звездам.</i>	<i>rough ways to the stars.</i>
<i>Вдохновение – сталь за-</i>	<i>Inspired to temper steel.</i>
<i>калять.</i>	<i>I work hard;</i>
<i>Труженик я;</i>	<i>I’m inspired from head to</i>
<i>Вдохновение с головы</i>	<i>foot²</i>
<i>пят.¹</i>	

Introduction

Over the centuries Turkish works of literature were widely spreading in the Volga and Ural regions and gaining popularity. Many Tatar thinkers studied in Istanbul, spoke Ottoman / Turkish, and worked with an eye to Turkish / Ottoman colleagues. “Being very close to Tatar literature as far as language is concerned, Ottoman and Turkish literature has organically fit into the fabric of Tatar spiritual culture over time and ceased to be perceived as “alien” [Mukhametov, p. 3]. The literary critic G. Tagirdzhanov believed it was absolutely necessary for historians of Tatar literature to study works that were “created in Central Asia, Turkey, but widespread” among the Tatars [Tagirdzhanov, p. 75]. It is obvious that “throughout the centuries Tatar literature has been developing in the context of lively and creative interaction with literatures of other nations. The literary heritage of Tatars includes many “imported” works that have eventually become an integral part of the Tatar spiritual

¹ N. Hikmet’s poem from the novel “Life’s Good, Brother” was translated into Russian by Apollinariya Avrutina in collaboration with Victor Toporov In May 2013 (the final translation was not included in the novel).

² Translated by A. A. Kuznetsova.

culture” [Mukhametov, p. 3]. As the Tatar writer G. Ibrahimov noted, although these works were created in a foreign land, they also became the literary property of Tatar people [Ibrahimov, p. 3].

In the 20th and 21st centuries Tatar literary studies focus on interrelations between Turkish and Tatar literature, revealing the degree of influence of Turkish works on the spiritual life of the Tatar people, introducing “imported” works into scientific circulation and determining the degree of their influence on the works of Tatar writers [Əkhmätxanov], [Əidi], [Gaziz], [Ganieva, 1986], [Ganieva, 2002], [Minabova], [Minnegulov, 1988], [Minnegulov, 1993], [Miñnegulov, 1988], [Miñnegulov, 1993], [Nigmatullina], [Sayfullina], [Tagirov], [Kharrasova], [Khisamov, 1999], [Khisamov, 2004], [Shəripov]. All researchers are unanimous in their claim that literature interrelations are based on the genetic unity of the two peoples, the presence of internal analogies of literary and social process, the unity of religious and cultural space, linguistic proximity and identity of the graphics used, close trade and cultural relations.

2. Methods

The subject of the research is the perception of Nazim Hikmet’s works in Tatar literature. In the research process the following methods were used: the comparative historical method, the principle of ascent from the abstract to the concrete, the principle of the unity of analysis and synthesis, subject and object, the principles and methods of historicism in studying sociocultural phenomena, the systematic approach to literary material, the method of interpretational analysis.

The present research is relevant since it is for the first time in the history of literary criticism that an attempt has been made to systematize the material on the history of the literature interrelationships between Tatar literature and N. Hikmet’s works.

3. Discussion

Systematizing existing sources, we discovered the following types of perception of N. Hikmet’s personality and works in the Tatar culture:

1) translations of the writer’s works into the Tatar language.

S. Suncheley was the first Tatar translator of the poet’s works. In 1928 he published his translation of the poem “Koyash Echchelər Җыры” (“Song of the Sun Drinkers”) in the literary journal “Bezneң Yul” (“Our Way”) [Hikmät, 1928].

After N. Hikmet arrived in the USSR in 1951 translations of poems written by the great Turkish poet began to appear regularly in the Tatar periodi-

cal press. In 1951 the poet Sh. Mannur translated the poem “Achy Irek” (“Bitter Freedom”) [Hikmät, 1952, No. 4, pp. 8–9].

S. Makhmudov (pseudonym “S. Anak”) published a number of translations of the following works: “Zoya” [Hikmät, 1951, No. 7], [Hikmät, 1985, No. 6], “Minem Balalar” (“Children of My Country”) [Hikmät, 1952, No. 4], “Kötüche Ali” (“The Shepherd Ali”), “Balalarga Nəsikhət” (The Lesson for Children) [Hikmät 1954, No. 11], “Səlam Sezgə, Sovet Pionerlary” (“Hello, Soviet Pioneers”), which were addressed to children [Hikmät, 1952, No. 10]. In 1955, the translator Sh. Makhmudov published the collection of works “Saylanma Əsərlər” (“Selected Works”) [Hikmät, 1955]. In 1985, he published the poem “Egerme Sigez Hikəyase” (“The Story of Twenty-Eight”), in which N. Hikmet celebrated the feat of Panfilov’s heroes [Hikmät, 1985, No. 5].

The poet and translator M. Nogman, who prepared the first collection of N. Hikmet’s poems in the Tatar language for publishing, made a valuable contribution to the promotion of N. Hikmet’s works [Hikmät, 1952]. A year earlier he published a number of translations of N. Hikmet’s works, namely “Paul Robson”, “Yөрөгem Monda Tygel” (“My Heart Is Not Here”), “Kerim Kebek” (“Like Kerim”), “Minem Yөregem” (“My heart”) [Hikmät, 1951, No. 4]. In 1953, the translation of the poem “Khäterlim Min” (“I Remember”) was published [Hikmät, “Khäterlim...”, 1953, No. 4].

M. Nogman’s translations of the poems “Minem Yөregem” (“My heart”), “Bөdrə Tallar” (“Curly Willows”) and “Provocateur” were included in the collection of works “Kөнчыгыш shagylrəre” (“Rising Poets”) [Kөнчыгыш shagylrəre, pp. 193–197].

In 1962 N. Khismet’s Autobiography, translated by M. Husain, was released [Hikmät, Autographia, 1962].

In 1964 the translation of the poem “Ulyma Berenche Əkiyat” (“The First Tale for My Son”) was published [Hikmät, Ulyma, 1964] (the translator is unknown).

In 1968 Z. Nuri translated the work “Vladimir Ilyich Belən Sөylyshu” (“Conversation with Vladimir Ilyich”) [Hikmät, Vladimir Ilyich ..., 1968], [Hikmet, Vladimir Ilyich ..., 1968, pp. 3–4]

In 1972, R. Kharis translated into Tatar the poem “Egermenche yөz өstəne” (“For the Twentieth Century”) [Kharis, 1972], [Kharis, 2006] that provides a metaphorical assessment of the controversial era, that is, the 20th century. The translation of the poem “Kərəm Kebek” (“Like Kerem”) is an

example of the rebellious lyrics [Kharis, 2006, pp. 225–226].

In 1976, R. Gatash translated a vivid example of N. Hikmet's love lyrics, "Parizhda" ("In Paris") [Gatash, 1976, pp. 57–59], and in 1978 – "Kitar Aldynnan" ("Before the Farewell") [Gatash, 1978, p. 131].

Tatar writers made a contribution to the promotion of N. Hikmet's prose as well. H. Gubaidullin translated his novel "Romance" into the Tatar language in 1968 [Hikmät, 1968, April 28], [Hikmät, 1968].

N. Hikmet's drama was first translated into the Tatar language in 1953. It was an excerpt from the play "Ashug Жyry" ("Törkiya Turynda Hikäya") ("The Song of Ashug" ("A Story of Turkey")) [Hikmät, 1953, No. 7].) N. Hikmet's play "The Legend of Love" was translated twice for the Tatar theatre. The play was first translated in 1955 by Sh. Anak [Hikmät, "Söyu Turynda Legenda", 1955, pp. 123–199], and then, in 2005, by Luara Shakirzyanova [Hikmät, "Mähäbbät Turynda Hikäyat" (Färkhad Shirin kyissasy)].

2) the articles about the works of Nazim Hikmet published in the form of introductory or commemorative articles. In the introductory articles to his books, as well as in a number of commemorative editions, the image of N. Hikmet generally corresponded to the tradition established in Russian literary criticism. Tatar writers and literary theorists considered N. Hikmet to be a fiery fighter for the ideals of fellowship and social justice, a communist idealist, a prisoner and a victim of totalitarianism, an emigrant, an internationalist writer who glorified Man and Mankind [Häsiyatullin], [Köreshche Shagyr], [Minskiy, 1972].

3) the memoirs of the Tatar intelligentsia about personal meetings with the writer. Sh. Makhmudov (pseudonym – Sh. Anak) became friends with N. Hikmet when translating his works. The literary critic R. K. Ganieva mentioned that during the time of postgraduate training in the 1960s she witnessed the conversation of the Tatar scientist and writer I. Z. Nurullin with N. Hikmet in the Hall of Columns of Moscow House of Unions. R. Kharis remembered the substantive dialogues of B. Urmanche with S. Anak, who were both experts on N. Hikmet's works.

4) the typological similarity of his works with the works of Tatar writers of the 20th century.

The fact that N. Hikmet's works influenced certain Tatar poets is admitted in a number of literary works. In the article "Ak Buranda Tugan Shigyriyat" ("Poetry Born in the White Blizzard")

(1987) one of Tatar poets shared the observation that the poetry of R. Gatash, and its form in particular, is influenced by poems of N. Hikmet [Zölfät]. The literary critic N. Khisamov agrees with him. In the book "Tatar shagirlöre" ("Tatar poets") he states that the Turkish poet had a great influence on R. Gatash, R. Fayzullin, R. Mirgalim and R. Akhmetzyanov when it came to the nature of the creative search of form. The scholar assumes that N. Hikmet's free verse (vers libre) could influence the formation of the young poets' taste, because all of them were interested in his poetry in their youth [Khisamov, 2012].

In his interviews the Tatar poet R. Fayzullin admits that Tatar poets were absorbed in the poetry of Walt Whitman and Nazim Hikmet for a long time. "Everything new was exciting. As for me, I was very fascinated by free verse on the one hand and by folk are on the other", noted he in one of his interviews [On rostom ne nizhe sebya].

The imitation of Nazim Hikmet's style in Fayzullin's works is conspicuous even when their works are compared superficially in terms of their form. Consider the poem "Multilingual World", for example:

В детстве,
на сквозном ветерке
каждый день говорил на
родном языке.

Дожди смеялись
на родном языке,
птицы пели
на родном языке,
ручьи сплетались
на родном языке,
зори алели
на родном языке...

Но жизнь
стоязкой стала потом.
Открыла она свой тяжелый том.
Учила:
вот это – язык нужды,
а этот – ненависти и
вражды,
облиты ядом его цветы,
Но есть язык языков –
Борьба,
цепи сбрасывающий с
раба.
И это лучший из языков,
в нем стон и звон сбитых
оков...

When I was so young,
Feeling the breeze,
Every day I spoke the
mother tongue.

The rain was laughing
in the mother tongue,
the birds were singing
in the mother tongue,
the streams were flowing
in the mother tongue,
the sun was rising
in the mother tongue...

But life became
hundredlingual since then
And opened its heavy
book.
It taught me:
This is the language of
need,
And that's the language of
hatred and feud,
it poisoned the flowers
that grew.
But there's the language
that's brave,
When spoken it releases
the slaves.
And this language is the
main,

<p>В Плетцензейской тюрьме, в каменном мешке, приговор прозвучал на чужом языке.</p> <p>А он шептал в подступившей мгле матери слова на родном языке.</p> <p>...В дальней стороне на сквозном ветерке шумели сады на родном языке. Мать читала молитву из глубины веков на самом древнем из языков – языке матерей, обходясь без слов [Faizullin, pp. 3–4].</p>	<p>it's the groan and clank of the broken chain...</p> <p>In Plötsensee prison, in a stone cage, the verdict was read in a foreign language.</p> <p>In the darkness He did manage to whisper the words in the mother language.</p> <p>... In a faraway land where the breeze was so warm the orchards were bloom- ing speaking the native verse form. Mothers read prayers, from the beginning of time in the most ancient language – the language of mothers, needing no words.³</p>
---	--

5) performances based on the plays of N. Hikmet in Tatar theaters.

Tatar theatres staged the play “The Legend of Love” three times. In 1955 it was staged at the G. Kamal Tatar State Academic Theatre (dir. R. Tumashev), in 2005 – at the K. Tinchurin Tatar State Theatre of Drama and Comedy (dir. R. Zagidullin). In 2002, the play was staged at A. V. Batalov Bugulma Russian Theatre (dir. A. Molotov). The art critic R. Sultanova believes that the productions of Tatar theatres were created following the “nazira” principle [Sultanova, p. 222]. This is the “form of a ‘response’ to the work of another author, common in the literatures of the peoples of the Near and the Middle East, Central Asia, and the Volga region”. “Nazira is the canonical form of alteration of the famous work, its plot and images, with the introduction of original features” [Tatar Encyclopedia, p. 343]. As Yu. G. Nigmatullina notes, this genre is very organic for the artistic thinking of the Tatars, of which “nuance” and associativity are main features [Nigmatullina, pp. 66–67]. According to R. Sultanova, the predominant development of the association based on similarity laid the basis for the G. Kamal production. Here the convergence was achieved due to the interior deco-

ration, designed according to the traditions of Oriental architecture, as well as costumes of the artists. Tatar character types were revealed in the performance [Sultanova, p. 223]. M. Sutyushev created the interior design richly decorated in oriental style for this production. In the course of the discussion the designer was recommended to “remove the lush greens, so as not to distract the audience from the social idea of the work” [Protokol zasedaniya khudozhestvennogo soveta], [Kumysnikov]. As a result, M. Sutyushev had to abandon his original idea to emphasize the details in the interior design, “which would give the romantic legend a touch of a popular performance”. Oriental pomp of the costumes was preserved. The performance turned out to be similar to the oriental fairytale in terms of its genre, and it was this similarity that the title “Söyü Turynda Əkiyat” (“The Tale of Love”) reflected [Hikmät, 1955].

Director R. M. Zagidullin managed to transform N. Hikmet’s tragedy “The Legend of Love” not only into a specific socially significant performance, but also to reveal the iconic, universal human story about the love of the legendary Farkhad and Shirin. Their names are ingrained in the minds of the people as those of the lovers that really existed. According to R. Sultanova, when creating costumes for the performance, the costume designer N. Kumysnikova not only followed the traditions of Turkish miniature, complementing “alien” forms with Tatar ornaments, but was also guided by the author’s text (hence the motif of pigeons in Mekhmene Banu’s costume). The whole acting space was presented through Shirin’s perception, who sees the world around us in colours and lines. The ornamentation in the performance was combined with opera features. At times, the performance resembled a variety show. The ornament acted as an element that cemented the polygenre nature in the analyzed performance. In her review the art critic insists there is an associative connection between the ornament in costumes and the psychological traits of the characters [Sultanova, p. 227].

In 2006 the G. Kamal Tatar State Academic Theatre presented the premiere of the play “Syer” (“The Cow”) based on the play by N. Hikmet. Ildus Akhmetzyanov translated the play into Tatar.

6) the works of Tatar writers, dedicated to the perception of N. Hikmet’s personality and works.

In 1965 R. Gatash created a cycle of poems “Yeagerme dyrt yoldyz hām unxıde dıngız (Məkhəbbətnəmə, 1965)” (“Twenty-four stars and seventeen seas (The Book of Love, 1965)”, which includes the poem “Nazim Khikmät turynda min

³ Translated by A. A. Kuznetsova.

uylyym bygen...” (“Today I think about Nazim Hikmet”) [Gatash, 2017, p. 141]. This reflection poem becomes an appeal to the reader, a request to retain an undying memory of N. Hikmet “who had the heart of gold”. R. Gatash’s image of N. Hikmet includes a number of bright metaphorical images in the associative field. The “sea”, which noise is associated with the energy of the poet’s work, is the source of the memory of the poet, who died in 1963. The image of “seagulls” helps the Tatar poet to understand the freedom-loving nature of the Turkish poet. It is well known that in poetry the image of this free bird traditionally symbolizes a person’s desire for freedom, a protest against oppressive reality and the vulnerability of a suffering person. On the one hand, R. Gatash associated the image of “heart” with a vessel that contains the whole world, on the other hand, sent the readers to investigate the heritage of N. Hikmet, which allows the readers to satisfy their thirst for the spiritual. The Tatar poet activated the mythological potential of the image of an apple, which traditionally acts as a symbol of the setting sun. Thus, R. Gatash expressed his attitude towards the sunset of the famous poet’s life. The international character of his work is conveyed through the image of “Man”, which brings together two worlds: the Eastern world, the world of cypress trees, and the Western world, the world of birches. The image of Man, holding the Earth in one hand, and smoothing its vegetation with the other hand, forms the image of the artistic world of N. Hikmet’s poetry. The dominant place is given to a strong-willed, energetic character, born in a violent revolutionary era, and having delicate psyche at the same time.

In 1975, R. Fayzullin shared his vision of N. Hikmet’s personality and work in the poem “Nazim Khikmät Kyktÿbädä” (“Nazim Hikmet in Koktebel”). We dare to assume that here we are faced with the literary myth that Hikmet is a “Turkish Pushkin”. It is obvious Ivan Aivazovsky’s painting “Pushkin by the Sea” (1887) and the poem by A. S. Pushkin “To the Sea” influenced the imagery structure of this poem to a certain extent. The image of the poet at the Black Sea shore proves this.

Cf.:

Түбәсендә	На вершине	At the top of
Каратауның	горы Каратау	Mount Karatau,
жилләр	ветры	the winds
иркәли дә	то ласкают	play with the
чәчне, йолкый	волосы, то рвут	hair, then
да.	на себя.	tear it out.
Зәңгәр күзле	Синеглазый	The blue-eyed
алтмыш яшьлек	шестидесятилетн	sixty-year-old

шагыйрь,
унсигездәге
кебек
алгысынып,
карап тора
Кара дингезгә.
Әй дулкыннар!
Кара исем ал-
ган зәп-зәңгәр
су!
Йөртмәдегез
кайларга
кагып!
Кыяларга
килеп бәрелгәч
киңәймәде
ярлар ишелеп...
Бер юаныч –
яньчелсә дә,
йөрәк зурайды!
Сыйдырырлык
булды
дөнъяның
шатлык-
кайгысын.

ий поэт,
словно ему во-
семнадцать,
устремившись
вперед,
Стоит,
устремив взор
на Черное
море.
Эй, волны!
Синяя-синяя
вода,
назвашаяся
черной!
Где только вы
меня не
носили!
Когда
ударилась о
вершину,
Берега не
раздвинулись...
Одно утешение
– хотя и в
ранах,
но
раздвинулось
сердце!
Оно в
состоянии
вместить
Все радости-
горести мира.

poet,
as if he was
eighteen, stands,
looking forward,
with
his eyes fixed on
the Black Sea.
Hey, the waves!
Deep-blue wa-
ter,
called black!
You have
brought me eve-
rywhere!
When they hit
the top,
The shores didn’t
move apart ...
What consoles
me is that, albeit
being in wounds,
but the heart has
opened!
It is able to wel-
come
All the joys and
sorrows of the
world.⁴

The poem has a circular structure. The frame glorifies the native land, the symbols of which are the coastal stones, iridescent in the distance, like gems, and Karatau, which absorbed the poet’s homesickness.

In the second part the theme of the unified Turkic land, which included Turkey and the Crimea, becomes the leading one. The image of the poet in the poem is divided in two. We hear the voice of the autobiographical character experiencing colonial trauma. For him, the Crimea is the original Turkic land, which represents the territory of the Crimean Khanate: “bäräkätle Kyrym-yort jire” (“the precious land of the Crimean Khanate”). The new names of the original Tatar villages seem ridiculous to him: “Bogatoye, Privetnoye, Schastlivoye, Dobroye, Veseloye...” (“Rich, Welcoming, Happy, Kind, Merry...”). Mount Karadag and the Black Sea are the symbols of power in the poem.

⁴ Translated by A. A. Kuznetsova.

In the third part R. Fayzullin reconstructed the myth about Alpamysh, a batyr of the Turkic epos, who wrote a letter to the family in blood on the wings of a wild goose in the underground zindan. Thus, the heroic parallel Hikmet – Alpamysh manifests itself.

The image of the Turkish poet in the poem, for all its mythological character, is distinguished by realistic authenticity. To prove this, one can refer to the memories of K. Simonov, where it is stated that N. Hikmet “was a tall, handsome and strong man, with red hair, blue eyes and a narrow hawk-like face. He had a light walk and a quick handshake. He liked to speak without prefaces, getting straight to the point (as he did in his poetry). He knew how to get angry while smiling and smile while being angry (as he also did in his poetry)” [Simonov, p. 281].

Marcel Galiev’s poem “Uyladym min Istambulda Nazim Khikmet turynda” (“I Thought about Nazim Hikmet in Istanbul”), written at the beginning of the 21st century, is of interest as well. Once in Turkey, the Tatar poet sought to comprehend N. Hikmet’s difficult relationship with his country. Analyzing the fate of this great son of the Turkish people, M. Galiev could not understand how N. Hikmet, blinded by the “red mirage”, could leave the state where there were thousands of mosques, the citizens were remarkably religious and believed in Allah. The author of the poem believes so much drama in the poet’s life was due to the fact that N. Hikmet, whose work is immortal, was a “step-child” to modern Istanbul, because he once committed treason: he fled from his homeland, having fallen under the influence of a “sinful country”, that is, the USSR. He did not become a native in Moscow either, since foreign blood ran in his veins. M. Galiev considers N. Hikmet to be a poet-idealist worth the title of a significant figure of modern Turkey. The poem has a frame composition. Deprived of Turkish citizenship, the poet became a legend in his homeland. In his poem the poet regrets that the name of great N. Hikmet has been undeservedly forgotten in his native land today [Galiev, pp. 210–211].

4. Results

The work of the great Turkish humanist, thinker and communist poet Nazım Hikmet Ran (1902–1963), a representative of “left-wing” views, became a model for a number of Tatar poets and writers of the 20th and 21st centuries. The study conducted by the authors resulted in a complete retrospective and partial analysis of the significant works of Tatar authors and works in the Tatar lan-

guage, connected with the work and personality of Nazim Hikmet in one way or another.

5. Conclusions

1) The reason for Nazim Hikmet’s popularity among Tatar writers and playwrights can be explained by: 1) the important role of the Turkish culture and language in the Turkic world, which led to the formation of a centuries-old tradition of cultural orientation towards Turkey in the Turkic environment; 2) the residence of Nazim Hikmet in the USSR, as well as his high popularity in Soviet intellectual circles and numerous publications in Russian.

The following features unite the Tatar authors mentioned above with the work of Nazim Hikmet:

1) mixed technique. The poem either contains rhymes or is characterized by the absence of rhymes; either gentle, elegant and melodic, or abrupt; first aruz-sized, then hedge-sized;

2) appeal to the folk song and poetic tradition and the movement from the oriental three-stringed instrument to polyphony, to the “orchestra”; in other words, “orchestration of works”, “sound-writing”, the use of phrases associated with orchestration;

3) external features. Special attention is paid to the visual form and experiments with it;

4) the poetry of V. Mayakovsky and W. Whitman had a strong influence on Nazim Hikmet’s works. The originality of these authors indirectly manifested itself in the works of the presented authors through N. Hikmet’s works.

Notwithstanding the aforementioned, it is necessary to note that none of the Tatar authors went further than imitation of 1) the external form, 2) the most simple and obvious topics for Hikmet’s works.

References

- Faizullin, R. (1984). *Svet v zerne. Stikhi i poemy. Perevod s tatarskogo* [Light in the Grain. Verses and Poems. Translated from Tatar]. 240 p. Moscow, Sovetskaya Rossiya. (In Russian)
- Galiyev, M. (2011). *Saylanma əsərlər 6 t.* [Selected Works in Six Volumes]. Vol. 2. 400 p. Kazan, Idel-Press. (In Tatar)
- Ganieva, R. K. (2002). *Tatarskaya literatura: traditsii, vzaimosvyazi* [Tatar Literature: Traditions, Interrelations]. 272 p. Kazan, izd-vo KGU. (In Russian)
- Ganiyeva, R. K. (1986). *Ədəbi bəylənəşlər. Kənbətyş traditsiyaləren ysterep* [Literary Interrelations. The Development of Oriental Traditions]. Tatar ədəbiyatı tarikhy. Alty tomda. Vol. 3, pp. 523–537. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)
- Gatash, R. (1978). *Irlər bulyyk* [There Were Men]. 160 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

- Gatash, R. (2017). *Sailanma äsrärlär 5 t.* [Selected Works in Five Volumes]. Vol. 1. 327 p. Kazan, Tat.kit.näshr. (In Tatar)
- Gatash, R. (1976). *Yoldyz äçile* [The Wind of Stars]. 127 p. Kazan, Tatar. kit. näshr. (In Tatar)
- Gatash, R. (1987). *Zölfät Ak buranda tungan shig"riyat* [Born in White Blizzard]. Mäkhäbbätkä – märkhämät. Pp. 5–8. Kazan, Tatar. kit. näshr. (In Tatar)
- Gaziz, G. (1923). *Tatar ädäbiyatı tarihi. I äçild. Boryngy däver. II bylek* [History of Tatar Literature]. Vol.2, pp. 169–240. Kazan, Tat.жәм-нең дәйлät näshr. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1953). *Ashyg äçyry. "Törkiya turynda hikäya" p'esasynnän.* [The Song of Ashug "A Story of Turkey"]. Sh. Anak tärj. Pioneer, No. 7, pp. 16–18. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1985). *Avtobiografıa. M. Khösäen* [Autobiography. M. Khosaen]. Tatarstan iash'läre. November 2. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1953). *Khäterlim min.* [I Remember]. M. Nogman tärj. Sovet ädäbiaty, No. 4, pp. 91–92. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1928). *"Koyash echychelär äçyry".* [The Song of Sun Drinkers]. S. Synchäläy tärj. Bezneñ iul, No. 10, pp. 15–16. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1954). *Kötüche Ali, Balalarga näsykhät.* [The Shepherd Ali, the Lesson for Children]. Tör. Sh. Mähmydov tärj. Pioneer, No. 11, p. 24. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1953). *Min.* [I]. M. Nogman tärj. Sovet ädäbiaty, No. 4, pp. 91–92. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1952). *Minem ilem balalary* [The Children of My Country]. Sh. Mähmydov tärj. Pioneer, No.10, pp. 7–9. (In Tatar)
- Hikmät, N. *"Mähäbbät turynda hikäyat" (Färhad-Shirin Kyissasy).* ["The Tale of Love" (The Story of Farhad and Shirin)]. L. Shakırjan tärj. 50 p. Karalama. (basylmagan). (In Tatar)
- Hikmät, N. (1952). *Säläm sezgä, sovet pionerlary!* [Hello, Soviet Pioneers!]. Sh. Mähmydov tärj. Pioneer, No.10, pp. 6–7. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1951). *Pol' Robson, Yörägem monda tygel, Kerim Kebek, Minem yöregem.* [Paul Robson, My Heart Is Not Here, Like Kerim, My Heart.]. M. Nogman tärj. Sovet ädäbiaty, No. 4, pp. 46–49. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1968). *Romantika.* [Romance]. Sh. Gəbaydullin ruschadan tärj. (özek) Sots. Tatarstan. April 28. May 1, 4. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1968). *Romantika.* [Romance]. Sh. Gəbaydullin ruschadan tärj. 230 p. Kazan, Tat. kit. näshr. (In Tatar)
- Hikmät, N. *Söyu turynda äkiyat* [The Tale of Love]. TGAT Museum. G. Kamal. F. 280. Op. 3. St.un. 380 (Inv. No. 546). (In Tatar)
- Hikmät, N. (1964). *Ulyma berenche äkiyat* [The First Tale for My Son]. Sots. Tatarstan. April 25. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1968). *Vladimir Ilich belän söyläshy.* [Conversation with Vladimir Ilyich.]. Z. Nuri tärj. Tatarstan yash'läre. 8 April 21. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1985). *Yegerme sigez khikäyase* [The Twenty Eighth Story]. Kazan utlary, No. 5, pp. 163–169. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1985). *Zoya.* [Zoya]. Sh. Anak tärj. Yalkyn, No. 6, pp. 6–9. (In Tatar)
- Hikmät, N. (1951). *Zoya.* [Zoya]. Sh. Mähmydov tärj. Pioneer, No. 7, pp. 29–30. (In Tatar)
- Hikmät, N. *Syer.* [The Cow]. I. Əhmätkanov tärj. 51 p. Karalama. (basylmagan). (In Tatar)
- Khannanov, R. (2011). *Terek-Tatars ädäbi baglanyshlary* [Tatar and Turkish Literature Connections]. Kazan Utlary, No. 11. (In Tatar)
- Kharis, R. (1972). *Egermenche yöz östenä* [For the Twentieth Century]. Azat Khatyn, No. 1, 16 p. (In Tatar)
- Kharis, R. (2006). *Saylanma äsärler. 7 v.* [Selected Works in Seven Volumes]. Vol. 6. 351 p. Kazan, Tat.kit.näshr. (In Tatar)
- Kharrasova, R. F. (2002). *Ədäbi baglanyshlar yaktylygynda* [In the World of Literary Connections]. 261 p. Kazan, Publishing house RPF "Gart". (In Tatar)
- Khislamov, N. Sh. (1999). *Rol' vzaimosvyazey v srednevekovoy literature* [The Role of Interrelations in Medieval Literature]. Srednevekovaia tatarskaia literatura (VIII-XVIII vv.). Pp. 224–229. Kazan', Fen. (In Russian)
- Khislamov, N. Sh. (2012). *Tamyrlary Shärykta* [Oriental Roots]. Tatar shagyrläre. Pp. 262–274. Kazan, Tat.kit.näsh. (In Tatar)
- Khislamov, N. Sh. (2004). *Urta gasyr törki shigyriyat üshendä bolgar-tatar häm gosmanly török ädäbiyatlary. (Səngat'chä fikerläyneñ urtak nätiçäläre)* [Bulgarian Tatar and Other Countries' Literature in the Development of Turkish Poetry of Middle Ages (Artistic Opinion of the Joint Development)]. 641 p. Khäter sagynda. Ədäbi-fənni məkalələr, ixtat portretlary häm publitsistika. Kazan, Magarif. (In Tatar)
- Khəsiyatullin, Kh. (1952). *Tynychlyk shagyrye* [The World of the Poet]. Sovet ädäbiaty, No. 5, pp. 122–125. (In Tatar)
- Kumysnikov, Kh. L. (1955). *Mähäbbät khikäyase* [The Tale of Love]. Sovet Tatarstany, December 10. (In Tatar)
- Köreshche shagyry' kichäse* [Poetry Night]. (1962). 158 p. Sovet ädäbiaty., No. 2. (In Tatar)
- Minabova, E. K. (2005). *Rol' i mesto "Mukhammadii" M. Chelebi v dukhovnoy zhizni tatar v XIX – nachale XX veka* [The Role and Place of "Muhammadia" by M. Chelebi in the Spiritual Life of the Tatars in the 19th and Early 20th Centuries]. Kazan, Vostokovedenie. Sbornik statei i dokladov. No. 2, 3, pp. 112–118. (In Russian)
- Minnegulov, Kh.Yu. (1988). *Shtrikhi k voprosu o turetsko-tatarskikh literaturnykh vzaimosvyazyakh: Materialy itogovoy nauchnoy konferentsii KGU za 1987 god* [On Turkish-Tatar Literary Interrelations: Proceedings of the Final Scientific Conference of the KSU, 1987]. 159 p. Kazan, KGU. (In Russian)
- Minnegulov, Kh.Yu. (1993). *Tatarskaya literatura i Vostochnaya klassika (Voprosy vzaimosvyazey i poetiki)*

[Tatar Literature and Oriental Classics (Issues of Interrelations and Poetics)]. 384 p. Kazan, izd-vo KGU. (In Russian)

Minskii, G. (1972). *Koreshche shagyyr'* [A Fighting Poet]. Sots. Tatarstan, January 21. (In Tatar)

Mukhametov, I. R. (2006). *Kniga Mukhammeda Chelebi "Mukhammadiya" v kontekste tatarsko-turetskikh literaturnykh vzaimosvyazey: avtoreferat dis...kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.02 [Muhammad Chelebi's Book "Muhammad" in the Context of Tatar-Turkish Literary Interrelations: Ph.D. Thesis Abstract]. 23 p. Kazan, Kazan gos. un-t im. V. I. Ul'ianova-Lenina. (In Russian)*

Miñnegulov, Kh. Y. (1988). *Sharyk hám Tatar adabiyatynda kysaly kyyssalar (Poetica hám adabi baglanyshlar mäs'äläläre)* [Stories of Oriental and Tatar Literatures (Issues of Interactions between Literature and Poetics)]. 200 p. Kazan, Kazan Unts nusr. (In Tatar)

Miñnegulov, Kh. Y. (1993). *Tatar-törek adabi baglannyshlary* [Tatar and Turkish Literature Connections]. Tatarstan, No. 9. pp. 50–56. (In Tatar)

Nigmatullina, A. M. (2001). *Literaturnye vzaimosviazi na rubezhe XX v. (na materiale zhizni i tvorchestva turetskogo pisatel'ia-prosvetitel'ia Akhmeta Midkhata)* [Literary Relationships at the Turn of the Twentieth Century (based on the life and creative work of the Turkish enlightener Ahmet Midhat)]. 188 p. Kazan. (In Russian)

Nigmatullina, Yu. G. (1997). *Tipy kul'tur i tsivilizatsii v istoricheskom razvitii tatarskoi i russkoi literatur* [Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Literatures]. 189 p. Kazan, Fen. (In Russian)

"On rostom ne nizhe sebya", interv'yu s R. Fayzullinym ot 05.08.2003 ["He Is Not Shorter than Himself", an Interview with R. Fayzullin of 08/05/2003]. URL: <https://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-3755.htm> (accessed: 01.07.2018). (In Russian)

Protokol obsuzhdeniya khudozhestvennogo soveta s privilecheniyem obshchestvennosti po obsuzhdeniyu spektaklya "Legenda o lyubvi" ot 03.11. 1955 [The Record of the Discussion of the Artistic Council with the Participation of Public Representatives on the Play "The Legend of Love" of 03.11. 1955]. Natsional'nyi arkhiv R T. F 4088, Op. 2., Yed. khr. 128. (In Russian)

Saifullina, F. S. (2014). *Tataro-turetskiye kul'turnyye i nauchnyye vzaimosvyazi: istoriya i sovremennost'* [Tatar-Turkish Cultural and Scientific Relationships: History and Modern Times]. Kazan, KFU, Philology and Culture, No. 2 (36), pp. 322–326. (In Russian)

Shäripov, Ə. M. (1984). *Ədəbi bəyləneshlər* [Interrelations in Literature]. Tatar dəbiyyat tarixy. Alty tomda. Kazan, Tat. whale. nəshr., Vol.1, pp. 453–468. (In Tatar)

Sibgatullina, Ə. T. (2000). *Tatar adabiyatynda sufyychylyk (chyganaklar, tematika hám zhanr yzenchälekläre): Filologiya fən. dokt... dis. 10.01.02 [Sufism in Tatar Literature (References, Theme and Genre Features: Doctoral Thesis)]. 380 p. Alabuga, Alabuga dāylät ped. in-ty [N.k.]. (In Tatar)*

Simonov, K. (1966). *O Nazyme Khikmete* [On Nazym Hikmet]. Pp. 280–283. Moscow, Sov. pisatel'. (In Russian)

Sultanova, R. (2009). *Zhanrovyy polifonizm "Legendy o lyubvi" N. Khikmeta (na materiale stseno-graficheskikh resheniy v teatrakh Tatarstana)* [Genre Polyphony in "Legends of Love" by N. Hikmet (based on scenographic solutions in the theaters of Tatarstan)]. Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury. Nauchno-analiticheskii zhurnal, No. 4, pp. 221–230. (In Russian)

Tagirov, I. (1998). *Vostok – delo tonkoe; Turetskii sled v arkhive Tatarstana* [The East is a Delicate Matter; Turkish Trace in the Archive of Tatarstan]. Ekho vekov, No. 1/2, pp. 188–177. (In Russian)

Tahirjanov G. (1979). *Tarikhtan – adabiyatka* [From History to Literature]. 75 p. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)

Tatarskaia entsiklopedia: v 6 t. (2008) [Tatar Encyclopedia: In Six Volumes]. Vol. 4., 768 p. Kazan, Idel'-Press. (In Russian)

Əidi, T. (1993). *Həzinələr urtak; Törek-Tatar baglanshlary* [Common Heritage; Turkish and Tatar Connections]. Kazan Utlary, No. 11, pp.156–170; No. 12, pp. 160-167. (In Tatar)

Əhmətjanov, M. I. (2004). *Urta gasyr törek adabiyatnyñ tatar halkynda saklangan istälekläre* [The Middle Ages Turkish Literature in the Minds of the Tatars]. Gasyrlar avazy, No. 1, pp. 12–18. (In Tatar)

НАЗЫМ ХИКМЕТ И ТАТАРСКАЯ КУЛЬТУРА

Аполлиария Сергеевна Аврутина,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11,
a.avrutina@spbu.ru.

Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
Mileusha.Habutdinova@kpfu.ru.

Турецкая Республика в силу политических и экономических причин быстро стала доминантой тюркского мира и столетиями оказывала влияние на ход культурных процессов в тюркоязычных регионах, подчас далеких от границ империи. Многие тюркоязычные мыслители обучались в Стамбуле, владели османским / турецким языком и творили с оглядкой на турецких коллег. Татарстан не стал исключением. В XX веке, несмотря на появление у основателей Турецкой Республики новых, довольно далеких от религии идеалов и формирование светской идеологии, традиция культурной преемственности во многом сохранилась. По-прежнему мыслители тюркского мира в целом и Татарстана в частности идеологически во многом ориентировались на Турцию – авангард тюркского мира, при этом «заимствуя» уже не религиозные идеи, а идеи просто передовые и актуальные. Татарская литература на протяжении столетий развивалась в рамках живого диалога с турецкой литературой. В истории татарской литературы XX века важное место занимает творчество турецкого гуманиста, мыслителя, писателя-коммуниста Назыма Хикмета Рана (1902–1963), которое вызвало широкий резонанс в культурной жизни татар.

Цель данной статьи состоит в систематизации материалов, связанных с рецепцией творчества и личности турецкого писателя в татарской литературе. В центре внимания исследователей оказалась история бытования переводов произведений Н. Хикмета на татарский язык. Выявлено своеобразие образа Н. Хикмета в татарской поэзии. В ходе анализа поэтических текстов выявлено типологическое сходство произведений татарских писателей с творениями Н. Хикмета. Обобщен материал по истории сценических интерпретаций произведений турецкого писателя в татарском театре.

Ключевые слова: татарско-турецкие литературные взаимосвязи, Назым Хикмет, перевод, сценическая интерпретация, стихотворения-посвящения.

*Труженник я;
Вдохновение с головы до пят.
Вдохновение взгляда, мысли, сути.
Вдохновенье – баюкать дитя,
Вдохновение рассветать.
Вдохновенье – сквозь тернии к звездам.
Вдохновение – сталь закалять.
Труженник я;
Вдохновение с головы до пят.¹*

Введение

На протяжении веков турецкие произведения широко распространялись в Поволжье и Приуралье и завоевывали популярность. Многие татарские мыслители обучались в Стамбу-

ле, владели османским / турецким языком и творили с оглядкой на турецких / османских коллег. «Османо-турецкая литература, будучи очень близкой по языку к татарской, со временем органично вписывается в канву татарской духовной культуры и перестает восприниматься как „чужая“» [Мухаметов, с. 3]. Литературовед Г. Тагирджанов считал, что историки татарской литературы должны обязательно изучать произведения, «созданные в Средней Азии, Турции, но широко распространенные» у татар [Таһиржанов, с. 75]. Очевидно, что «татарская литература на протяжении столетий развивалась в рамках живого и творческого взаимодействия со словесностью других народов. В литературном наследии татар немало „привозных импортированных“ произведений, которые со временем становятся неотъемлемой частью татарской духовной культуры» [Муха-

¹ Перевод стихотворения Н. Хикмета из романа «Жизнь прекрасна, братец мой», созданный Аполлиарией Аврутиной в соавторстве с Виктором Топоровым в мае 2013 года (окончательный вариант перевода в текст романа не вошел).

метов, с. 3]. Эти произведения, как отмечает татарский писатель Г. Ибрагимов, хотя и были созданы на чужбине, но стали и литературной собственностью татарского народа [Ибрагимов, 3 б.].

В XX–XXI вв. изучение турецко-татарских литературных взаимосвязей, выявление степени влияния турецких произведений на духовную жизнь татарского народа, введение „привозных“ произведений в научный оборот и определение степени их влияния на творчество татарских писателей было и остается актуальным вопросом татарского литературоведения [Әхмәтжанов], [Әйди], [Газиз], [Ганиева, 1986], [Ганиева, 2002], [Минабова], [Миннегулов, 1988, с. 157], [Миннегулов, 1993], [Миңнегулов, 1988], [Миңнегулов, 1993], [Нигматуллина], [Сайфулина], [Тагиров], [Харрасова], [Хисамов, 1999], [Хисамов, 2004], [Шәрипов]. По единодушному мнению исследователей, основу литературных взаимосвязей составили генетическое единство двух народов, наличие внутренних аналогий литературного и общественного процесса, единство религиозно-культурного пространства, языковая близость и идентичность используемой графики, тесные торговые и культурные связи.

2. Методы

Предметом нашего исследования стало изучение восприятия творчества Назыма Хикмета в татарской литературе. В процессе исследования были использованы следующие методы: сравнительно-исторический метод, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, принцип единства анализа и синтеза, субъекта и объекта, принципы и методы историзма в познании социокультурных явлений, системный подход к литературному материалу, метод интерпретационного анализа.

Актуальность нашего исследования состоит в том, что впервые в истории литературоведения предпринята попытка систематизировать материал по истории литературных взаимосвязей татарской литературы с творчеством Н. Хикмета.

3. Обсуждение

В ходе систематизации имеющихся источников мы обнаружили следующие виды восприятия личности и творчества Н. Хикмета в татарской культуре:

1) переводы художественных произведений писателя на татарский язык.

Первым татарским переводчиком творчества поэта выступил С. Сунчелей. В 1928 г. он

опубликовал на страницах литературного журнала «Безнең юл» («Наш путь») свой перевод стихотворения «Кояш эчүчеләр жыры» («Песня пьющих солнце») [Хикмәт, 1928].

После приезда Н. Хикмета в 1951 г. в СССР в татарской периодической печати начинают регулярно появляться переводы стихотворений великого турецкого поэта. Так, поэт Ш. Маннур в 1951 г. перевел стихотворение «Ачы ирек» («Горькая свобода») [Хикмәт, 1952, № 4, с. 8–9].

Целый ряд переводов опубликовал Ш. Махмудов (псевдоним Ш. Анак): «Зоя» [Хикмәт, 1951, № 7], [Хикмәт, 1985, № 6], «Минем илемнең балалары» («Дети моей страны») [Хикмәт, 1952, № 4], «Көтүче Али» («Пастух Али»), «Балаларга нәсыйхәт» («Наставления детям») [Хикмәт, 1954, № 11], «Сәлам сезгә, совет пионерлары» («Привет вам, советские пионеры»), адресованные детям [Хикмәт, 1952, № 10]. В 1955 году переводчик Ш. Махмудов выпустил сборник «Сайланма әсәрләр» («Избранные сочинения») [Хикмәт, 1955]. В 1985 г. он опубликовал поэму «Егерме сигез хикәясә» («Рассказ двадцати восьми»), в которой Н. Хикмет воспекает подвиг героев-панфиловцев [Хикмәт, 1985, № 5].

Огромный вклад в пропаганду творчества Н. Хикмета внес поэт и переводчик М. Ногман, подготовивший к печати в 1952 г. первый сборник стихотворений Н. Хикмета на татарском языке. [Хикмәт, 1952]. Годом ранее он опубликовал в литературном журнале «Совет әдәбияты» («Советская литература») ряд переводов из Н. Хикмета: «Поль Робсон», «Йөрәгем монда түгел» («Сердцем не здесь»), «Кәрим кебек» («Как Керим»), «Минем йөрәгем» («Мое сердце») [Хикмәт, 1951, № 4]. В 1953 г. был опубликован перевод стихотворения «Хәтерлим мин» («Я помню») [Хикмәт, «Хәтерлим...», 1953, № 4].

Переводы М. Ногмана стихотворений «Минем йөрәгем» («Мое сердце»), «Бәдрә таллар» («Кудрявые ивы»), «Провокатор» вошли в состав сборника «Көнчыгыш шагыйрьләре» [Хикмәт, 1959, 193–197 бб].

В 1962 г. увидела свет «Автобиография» Н. Хисмета, которую перевел М. Хусаин [Хикмәт, Автобиография, 1962].

В 1964 г. был опубликован перевод стихотворения «Улыма беренче әкият» («Первая сказка для моего сына») [Хикмәт, Улыма, 1964] (переводчик неизвестен).

В 1968 г. З. Нури перевел «Владимир Ильич белән сөйләшү» («Разговор с Владимир Ильичом») [Хикмэт, Владимир Ильич..., 1968], [Хикмэт, Владимир Ильич..., 1968, 3–4 б.]

В 1972 г. Р. Харис перевел на татарский язык стихотворение «Егерменче йөз өстенә» («На век двадцатый») [Харис, 1972], [Харис, 2006], в котором дается метафорическая оценка противоречивой эпохе, XX веку. Перу этого переводчика принадлежит и перевод стихотворения «Кәрәм кебек» («Как Керем»), образец бунтарской лирики [Харис, 2006, с. 225–226].

Р. Гаташ в 1976 г. перевел яркий образец любовной лирики Н. Хикмета «Парижда» («В Париже») [Гаташ, 1976, с. 57–59], а в 1978 г. – «Китәр алдыннан» («Перед прощанием») [Гаташ, 1978, с. 131].

Татарские писатели внесли посильный вклад в пропаганду прозы Н. Хикмета. Х. Губайдуллин перевел в 1968 г. на татарский язык его роман «Романтика» [Хикмэт, 1968, 28 апрель], [Хикмэт, 1968].

Впервые драматургическое произведение Н. Хикмета на татарский язык было переведено в 1953 г. Это был отрывок из пьесы «Ашуг жыры» («Төркия турында хикяя») («Песня Ашуга» («Рассказ о Турции»)) [Хикмэт, 1953, № 7.] Пьесу Н. Хикмета «Легенду о любви дважды» для татарского театра переводили также дважды. Впервые пьесу в 1955 г. перевел Ш. Анак [Хикмэт, 1955, 123–199], затем в 2005 г. – Луара Шакирзянова [Хикмэт, «Мәхәббәт турында хикяят» (Фәрхад-Ширин кыйссасы)].

2) статьи о творчестве Назыма Хикмета, опубликованные в форме вступительных либо юбилейных статей. Образ Н. Хикмета, созданный во вступительных статьях к его книгам, а также в ряде юбилейных изданий в целом отвечал сложившейся в отечественном литературоведении традиции. Татарские писатели и литературоведы видели в Н. Хикмете пламенного борца за идеалы братства и социальной справедливости, коммуниста-идеалиста, узника и жертву тоталитаризма, эмигранта, писателя-интернационалиста, воспевшего Человека и Человечество [Хәсиятуллин], [Көрәшче шагыйрь], [Минский, 1972].

3) воспоминания представителей татарской интеллигенции о личных встречах с писателем. Ш. Махмудов (псевдоним Ш. Анак) подружился с Н. Хикметом в процессе переводческой деятельности. По воспоминаниям литературоведа Р. К. Ганиевой, в пору аспирантской юности в 1960-е гг. она стала свидетелем бесе-

ды татарского ученого и писателя И. З. Нуруллина с Н. Хикметом в Колонном зале Дома Союзов в Москве. Р. Харису запомнились содержательные диалоги Б. Урманче с Ш. Анаком, которые были знатоками творчества Н. Хикмета.

4) типологическое сходство его произведений с произведениями татарских писателей XX в.

В ряде литературоведческих работ признается факт влияния творчества Н. Хикмета на творчество конкретных татарских поэтов. Один татарский поэт в своей статье «Ак буранда туган шигърият» («Поэзия, рожденная в белой вьюге») (1987) делится наблюдением, что в поэзии Р. Гаташа, особенно в области формы, чувствуется влияние стихотворений Н. Хикмета [Зөлфәт]. С ним согласен и литературовед Н. Хисамов. В книге «Татар шагыйрьләре» («Татарские поэты») он указывает, что турецкий поэт оказал огромное влияние на характер творческих поисков Р. Гаташа, Р. Файзуллина, Р. Миргалима, Р. Ахметзянова в области формы. Ученый делает предположение, что свободный стих (верлибр) Н. Хикмета мог повлиять на формирование вкусов молодых стихотворцев, ведь все они в юности пережили увлечение его поэзией [Хисамов, 2012].

Татарский поэт Р. Файзуллин в своих интервью признается, что татарские поэты долгое время зачитывались поэзией Уолта Уитмена и Назыма Хикмета. «Все новое волновало. У меня получалось так – с одной стороны меня очень увлекал верлибр, с другой – народное творчество», – отмечает он в одном из своих интервью [Он ростом не ниже себя].

Подражание Назыму Хикмету в творчестве Файзуллина бросается в глаза даже при поверхностном сравнении их произведений по форме. Например, в стихотворении «Многоязычный мир»:

В детстве,
на сквозном ветерке
каждый день говорил на родном языке.

Дожди смеялись
на родном языке,
птицы пели
на родном языке,
ручьи сплетались
на родном языке,
зори алели
на родном языке...

Но жизнь

стоязыкой стала потом.
Открыла она свой тяжелый том.
Учила:
вот это – язык нужды,
а этот – ненависти и вражды,
облиты ядом его цветы,
Но есть язык языков – Борьба,
цепи сбрасывающий с раба.
И это лучший из языков,
в нем стон и звон сбитых оков...

В Плетцензейской тюрьме,
в каменном мешке,
приговор прозвучал на чужом языке.

А он шептал
в подступившей мгле
матери слова
на родном языке.

...В дальней стороне
на сквозном ветерке
шумели сады
на родном языке.
Мать читала молитву
из глубы веков
на самом древнем
из языков –
языке матерей,
обходясь без слов [Файзуллин, с. 3–4].

5) театральные постановки по пьесам Н. Хикмета в татарских театрах.

Татарские театры обращались к пьесе «Легенда о любви» трижды. В 1955 г. – в ТГАТ им. Г. Камала (реж. Р. Тумашев), в 2005 г. – в Татарском государственном театре драмы и комедии им. К. Тинчурина (реж. Р. Загидуллин). В 2002 г. к ней обратился Бугульминский русский театр им. А. В. Баталова (реж. А. Молотов). Искусствовед Р. Султанова считает, что постановки татарских театров были созданы по принципу «назира» [Султанова, с. 222]. Это «форма „отклика“ на произведение другого автора, распространенная в литературах народов Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии, Поволжья». «Назира является канонической формой переделки известного произведения в части его фабулы и образов с привнесением оригинальных черт» [Татарская энциклопедия, с. 343]. Как отмечает Ю. Г. Нигматуллина, этот жанр очень органичен для художественного мышления татар, главный признак которого «нюансовость» и ассоциативность [Нигматуллина, с. 66–67]. По мнению Р. Султановой, постановка театра им. Г. Камала была основана на преобладании развития ассоциации по сход-

ству. Сближение здесь происходило за счет оформления интерьера в традициях восточной архитектуры и за счет восточных костюмов у артистов. В спектакле были явлены татарские типажи [Султанова, с. 223]. М. Сутюшев в спектакле использовал богато декорированный интерьер в восточном стиле. Во время обсуждения художнику рекомендовали «убрать пышную зелень, чтобы не отвлекать зрителей от социального звучания произведения» [Протокол заседания художественного совета], [Кумысников]. М. Сутюшев в результате вынужден был отказаться от первоначального замысла, в оформлении интерьера акцентировать детали, «которые придавали романтической легенде оттенки бытового спектакля». Восточная пышность сохранилась в костюмах. Спектакль обнаружил тяготение к жанру восточной сказки, что отразилось уже в названии «Сюю турында экият» («Сказка о любви») [Хикмэт, 1955].

Режиссер Р. М. Загидуллин сумел превратить трагедию «Легенда о любви» Н. Хикмета не только в конкретную социально значимую постановку, но и раскрыть знаковую, общечеловеческую историю о любви легендарных Фархада и Ширин, вошедших в сознание народа как имена реально существовавших возлюбленных. Художник по костюмам Н. Кумысникова, по мнению Р. Султановой, при создании костюмов для спектакля, с одной стороны, следовала традициям турецкой миниатюры, дополняя «чужие» формы татарскими орнаментами, с другой – ориентировалась на авторский текст (мотив голубей в костюме Мехменэ Бану). Все сценическое пространство было представлено сквозь призму восприятия Ширин, которая видит окружающий мир в красках и линиях. Орнаментированность в спектакле сочеталась с оперностью. Порой в постановке проявлялись черты, сближающие спектакль с эстрадным шоу. Орнамент выступает цементирующим началом полижанровой природы в анализируемой постановке. Искусствовед в своей рецензии настаивает на существовании ассоциативной связи между орнаментом в костюмах и психологической характеристикой персонажей [Султанова, с. 227].

В 2006 г. в ТГАТ им. Г. Камала состоялась премьера спектакля «Сьер» («Корова») по одноименной пьесе Н. Хикмета. На татарский язык пьесу перевел Ильдус Ахметзянов.

б) произведения татарских писателей, посвященные осмыслению личности и творчества Н. Хикмета.

В 1965 г. Р. Гаташ создает цикл стихотворений «Егерме дүрт йолдыз һәм унжиде дингез» («Мәхәббәтнамә», 1965) («Двадцать четыре звезды и семнадцать морей» («Книга любви», 1965), куда включает стихотворение «Назым Хикмәт турында мин уйлым бүген...» («Я сегодня думаю о Назыме Хикмете») [Гаташ, 2017, 141 б.]. Стихотворение-размышление в конце выливается в взволнованное обращение к читателю с просьбой сохранять в сердцах и душах память о Н. Хикмете, «человеке большой души». Н. Хикмет у Р. Гаташа в свое ассоциативное поле включает ряд ярких метафорических образов. Источником воспоминаний об умершем в 1963 г. поэте становится «море», чей шум ассоциируется с энергетикой творчества поэта. Образ «чаек» помогает татарскому поэту выйти на осмысление свободолюбивой натуры турецкого поэта. Общеизвестно, что в поэзии традиционно образ этой вольной птицы символизирует стремление человека к свободе, протест против гнетущей действительности, незащищенность страдающей личности. Образ «сердца», с одной стороны, ассоциируется у Р. Гаташа с сосудом, вместившем в себя весь мир, с другой стороны, отсылает читателей к творческому наследию Н. Хикмета, позволяющему читателям удовлетворить духовную жажду. Татарский поэт активизирует мифологический потенциал образа яблока, который традиционно выступает символом заходящего солнца. Так Р. Гаташ выражает свое отношение к закату жизни прославленного поэта. Интернациональный характер его творчества передается через образ «Человека», соединившего воедино два мира: мир Востока, мир кипарисов, и мир Запада, мир берез. Через образ Человека, держащего в одной руке Земной Шар, а другой рукой – пригладивший его растительность, формируется представление о художественном мире поэзии Н. Хикмета, где преобладает волевой, энергичный герой, рожденный бурной революционной эпохой, обладающий в то же время тонкой душевной организацией.

В 1975 г. Р. Файзуллин в стихотворении «Назым Хикмәт Күктүбәдә» («Назым Хикмет в Коктебеле») поделился своим видением личности и творчества Н. Хикмета. Смеем предположить, что здесь мы сталкиваемся с функционированием литературного мифа Хикмет – «турецкий Пушкин». Очевидно, что образная структура этого стихотворения сформировалась не без влияния картины Ивана Айвазовского

«Пушкин на берегу моря» (1887) и стихотворения А. С. Пушкина «К морю». На это указывает образ поэта на берегу Черного моря.

Ср.:

Түбәсендә Каратауның
жилләр
иркәли дә чәчне, йолкый
да.
Зәңгәр күзле алтмыш
яшьлек шагыйрь,
унсигездәге кебек
алгысынып,
карап тора Кара
дингезгә.
Әй дулкыннар!
Кара исем алган зәп-
зәңгәр су!
Йөртмәдегез кайларга
кагып!
Кыяларга килеп
бәрелгәч
киңәймәде ярлар
ишелеп...
Бер юаныч – яньчелсә
дә,
йөрәк зурайды!
Сыйдырырлык булды
дөнъяның шатлык-
кайгысын.

На вершине горы
Каратау ветры
то ласкают волосы, то
рвут на себя.
Синеглазый
шестидесятилетний
поэт,
словно ему
восемнадцать,
устремившись вперед,
Стоит, устремив взор на
Черное море.
Эй, волны!
Синяя-синяя вода,
назвавшаяся черной!
Где только вы меня не
носили!
Когда ударились о
вершину,
Берега не
раздвинулись...
Одно утешение – хотя и
в ранах,
но раздвинулось сердце!
Оно в состоянии
вместить
Все радости-горести
мира.

Стихотворение имеет кольцевую структуру. В обрамлении воспевается родная земля, символом которой становятся береговые камни, переливающиеся вдали, словно драгоценные камни, и Каратау, вобравшая в себя всю тоску поэта по родине.

Во второй части ведущей становится тема единой тюркской земли, вобравшей в себя Турцию и Крым. Образ поэта в стихотворении начинает двоиться. Мы слышим голос автобиографического героя, переживающего колониальную травму. Для него Крым – исконная тюркская земля, представляющая территорию Крымского ханства: «бәрәкәтле Кырым-йорт жире» («драгоценная земля Крымского ханства»). Злой и нелепой насмешкой кажутся ему новые названия исконных татарских деревень: «Богатое, Приветное, Счастливое, Доброе, Веселое...». Символами силы выступают в пространстве стихотворения гора Карадаг и Черное море.

В третьей части Р. Файзуллин реконструирует миф об Алпамыше, батыре тюркского эпо-

са, в подземном зиндане кровью написавшего на крыльях дикого гуся восточку родным. Так, дает о себе знать героическая параллель Хи и кмет – Алпамыш.

Портрет турецкого поэта в стихотворении при всей мифологичности отличается реалистической достоверностью. В доказательство можно привести воспоминания К. Симонова о том, что Н. Хикмет «был человеком высоким, красивым и сильным, рыжеволосым, с голубыми глазами, с узким ястребиным лицом. У него была легкая походка и быстрое рукопожатие. Он любил говорить без предисловий, переходя прямо к делу (так это было у него и в стихах). Он умел сердиться сквозь улыбку и улыбаться сквозь гнев (и это тоже было у него и в стихах)» [Симонов, с. 281].

Интересным, на наш взгляд, является стихотворение Марсея Галиева «Уйладым мин Истамбулда Назыйм Хикмет турынды» («Размышлял я в Стамбуле о Назыме Хикмете»), созданное в начале XXI в. Оказавшись в Турции, татарский поэт стремится осмыслить непростые взаимоотношения Н. Хикмета со своей страной. Взвешивая на весах судьбу этого великого сына турецкого народа, М. Галиев никак не может понять, как Н. Хикмет, ослепленный «красным миражом», мог покинуть государство, где тысячи мечетей, чьи граждане отличаются религиозностью, верой в Аллаха. Драма поэта, по мнению автора стихотворения, состоит в том, что Н. Хикмет, чье творчество бессмертно, современному Стамбулу – «пасынок», так как совершил некогда предательство: бежал с родины, подпав под влияние «греховной страны», коей именуется СССР, не стал он родным и в Москве, так как в его жилах течет чужая кровь. М. Галиев считает Н. Хикмета поэтом-идеалистом, достойным звания значимой фигуры современной Турции. Стихотворение имеет рамочную композицию. Лишенный турецкого гражданства, поэт у себя на родине превратился в легенду. В обрамлении поэт с сожалением констатирует, что имя великого Н. Хикмета незаслуженно сегодня предается забвению на родной земле [Галиев, с. 210–211].

4. Результаты

Творчество великого турецкого гуманиста, мыслителя, поэта-коммуниста Назыма Хикмета Рана (1902–1963), представителя «левых» взглядов, стало образцом для ряда татарских поэтов и писателей XX и XXI вв. Результатом проведенного авторами статьи исследования стали полная ретроспектива и частичный ана-

лиз знаковых произведений татарских авторов и художественных работ на татарском языке, так или иначе связанных с творчеством и личностью Назыма Хикмета.

5. Выводы

Причина популярности Назыма Хикмета в среде татарских писателей и драматургов может объясняться: а) важной ролью турецкой культуры и языка в общетюркском мире, что привело к формированию в тюркской среде многовековой традиции культурной ориентации на Турцию; б) проживанием Назыма Хикмета в СССР, а также его высокой популярностью в советских интеллектуальных кругах и многочисленными публикациями на русском языке.

Татарских авторов, рассмотренных выше, с творчеством Назыма Хикмета объединяют следующие черты:

1) смешанная техника. Стихотворение либо содержит рифмы, либо характеризуется отсутствием рифм; либо нежное, изящное и мелодичное, либо резкое; размер восходит то к арузу, то к хедже;

2) обращение к народной песенно-стихотворной традиции и движение от восточного трехструнного инструмента к полифонии, к «оркестру»; иными словами, «оркестровка произведений», «звукопись», употребление словосочетаний, связанных с оркестрацией;

3) внешние особенности, особое внимание уделяется визуальной форме и экспериментам с ней;

4) на творчество Назыма Хикмета в свое время сильное влияние оказала поэзия В. Маяковского и У. Уитмена. Своеобразие этих авторов опосредовано, через Н. Хикмета проявилось и в творчестве представленных авторов.

Несмотря на все сказанное выше, приходится отметить, что никто из татарских авторов не пошел дальше подражания 1) внешней форме, 2) наиболее простым и очевидным для творчества Хикмета темам.

Литература

Ганиева Р. К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи / Р. К. Ганиева. Казань: изд-во КГУ, 2002. 272 с.

Минабова Э. К. Роль и место «Мухаммадии» М. Челеби в духовной жизни татар в XIX – начале XX века // Востоковедение. Сборник статей и докладов. Выпуск II, III. / Отв. ред. Г. Г. Зайнуллин. Казань, 2005. С. 112–118.

Миннегулов Х. Ю. Штрихи к вопросу о турецко-татарских литературных взаимосвязях: Материалы итоговой научной конференции КГУ за 1987 год. Казань: КГУ, 1988. 159 с.

Миннегулов Х. Ю. Татарская литература и Восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики). Казань: изд-во КГУ, 1993. 384 с.

Мухаметов И. Р. Книга Мухаммеда Челеби «Мухаммадия» в контексте татарско-турецких литературных взаимосвязей автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2006. 23 с.

Нигматуллина А. М. Литературные взаимосвязи на рубеже XX в. (на материале жизни и творчества турецкого писателя-просветителя Ахмета Мидхата). Казань, 2001. 188 с.

Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизации в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Фэн, 1997. 189 с.

«Он ростом не ниже себя», интервью с Р. Файзуллиним от 05.08.2003. URL: <https://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-3755.htm> (дата обращения: 01.07.2018).

Протокол обсуждения художественного совета с привлечением общественности по обсуждению спектакля «Легенда о любви» от 03.11.1955 // Национальный архив РТ. Ф 4088. Оп. 2. Ед. хр. 128.

Сайфулина Ф. С. Татаро-турецкие культурные и научные взаимосвязи: история и современность // Филология и культура. Philologie and Cultur. Казань: КФУ. 2014. № 2 (36). С. 322–326.

Симонов К. О. Назыме Хикмете // День поэзии, 1966. М.: Сов. писатель, 1966. С. 280–283.

Султанова Р. Жанровый полифонизм «Легенды о любви» Н. Хикмета (на материале сценографических решений в театрах Татарстана) // Дом Бурганова. Пространство культуры. Научно-аналитический журнал. 2009. № 4. С. 221–230.

Таширов И. Восток – дело тонкое; Турецкий след в архиве Татарстана // Эхо веков, № 1/2, 1998. С. 188–177.

Татарская энциклопедия: в 6 т. 4 т. Казань: Идель-Пресс, 2008. 768 с.

Файзуллин Р. Свет в зерне. Стихи и поэмы. Перевод с татарского. М.: Советская Россия. 1984. 240 с.

Хисамов Н. Ш. Роль взаимосвязей в средневековой литературе // Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.). Казань: Фэн, 1999. С. 224–229.

Әйди Т. Хэзинэлэр уртақ; Төрөк-татар багланышлары / Тәүфыйк Әйди // Казан утлары. 1993. № 11. 156–170 б., № 12. 160–167 б.

Әхмәтҗанов М. И. Урта гасыр төрөк әдәбиятының татар халкында сакланган истәлекләре // Гасырлар авазы. 2004. № 1. 12–18 б.

Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. I жилд. Борынгы дәвер. II бүлек. Казан: Тат.жөм-нең дәүләт нәшр., 1923. 169–240 б.

Галиев М. Сайланма әсәрләр 6 т. 2 т. Казан: Идел-Пресс, 2011. 400 б.

Ганиева Р. К. Әдәби бәйләнешләр. Көнбатыш традицияләрен үстереп // Татар әдәбияты тарихы: Алты томда. 3 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 1986. 523–537 б.

Гаташ Р. Йолдыз жиле. Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. 127 б.

Гаташ Р. Ирләр булуйк. Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. 160 б.

Гаташ Р. Сайланма әсәрләр: 5 т. 1 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 2017. 327 б.

Зөлфәт. Ак буранда туган шигърият // Гаташ Р. Мәхәббәткә – мәрхәмәт. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 5–8.

Көрәшче шагыйрь кичәсе // Совет әдәбияты. 1962. № 2. 158 б.

Кумысников Х. Л. Мәхәббәт хикәясе // Совет Татарстаны. 1955. 10 декабрь.

Миңнегулов Х. Й. Шәрх һәм татар әдәбиятында кысалы кыйссалар (Поэтика һәм әдәби багланышлар мәсьәләләре). Казан: Казан ун-ты нәшр., 1988. 200 б.

Миңнегулов Х. Татар-төрөк әдәби багланышлары // Татарстан. 1993. № 9. 50–56 б.

Минский Г. Көрәшче шагыйрь // Соц. Татарстан. 1972. 21 гыйнвар.

Сибгатуллина Ә. Т. Татар әдәбиятында суфыйчылык (чыганақлар, тематика һәм жанр үзенчәлекләре): филол. фән. докт. ... дис. Алабуга дәүләт пед. ин-ты. Алабуга, 2000. 380 б.

Таһирҗанов Г. Тарихтан – әдәбиятка / Г. Таһирҗанов. Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. 75 б.

Ханнанов Р. Төрөк-татар әдәби багланышлары // Казан утлары. 2011. № 1.

Харис Р. Егерменче йөз өстенә // Азат хатын. 1972. № 1. 16 б.

Харис Р. Сайланма әсәрләр: 7 т. 6 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 2006. 351 б.

Харрасова Р. Ф. Әдәби багланышлар яктылыгында. Казан: изд-во РПФ «Гарт», 2002. 261 б.

Хәсиятуллин Х. Тынычлык шагыйре // Совет әдәбияты. 1952. № 5. № 122–125.

Хикмәт Н. Кояш эчүчеләр жыры / С. Сүнчәләй тәрж. // Безнең юл. 1928. № 10. 15–16 б.

Хикмәт Н. Польш Робсон, Йөрәгем монда түгел, Кәрим кебек, Минем йөрәгем / М. Ногман тәрж. // Совет әдәбияты. 1951. № 4. 46–49 б.

Хикмәт Н. Сәлам сезгә, совет пионерлары! / Ш. Мәхмүдов тәрж. // Пионер. 1952. № 10. 6–7 б.

Хикмәт Н. Минем илемнең балалары / Ш. Мәхмүдов тәрж. // Пионер. 1952. № 4. 7–9 б.

Хикмәт Н. Хәтерлим мин / М. Ногман тәрж. // Совет әдәбияты. 1953. № 4. 91–92 б.

Хикмәт Н. Ашуг жыры. «Төркия турында хикәя» пьесасыннан / Ш. Анак тәрж. // Пионер. 1953. № 7. 16–18 б.

Хикмәт Н. Көтүче Али, Балаларга нәсый хәт / Төр. Ш. Мәхмүдов тәрж. // Пионер. 1954. № 11. 24 б.

Хикмәт Н. Сайланма әсәрләр / Ш. Мәхмүдов тәрж. Казан: Таткнигоиздат, 1955. 195 б.

Хикмәт Н. Минем йөрәгем, Бөдрә таллар, Провокатор // Көнчыгыш шагыйрьләре. Казан: Таткнигоиздат., 1959. 193–197 б.

Хикмәт Н. Улыма беренче әкият // Соц. Татарстан. 1964. 25 апрель.

Хикмэт Н. Владимир Ильич белән сөйләшү / З. Нури тәрж. // Татарстан яшьләре. 1968. 21 апрель.

Хикмэт Н. Владимир Ильич белән сөйләшү / З. Нури тәрж. // Казан утлары. 1968. № 11. 3–4 б.

Хикмэт Н. Романтика / Ш. Гобәйдуллин русчадан тәрж. (өзек) // Соц. Татарстан. 1968. 28 апрель, 1, 4 май.

Хикмэт Н. Романтика / Ш. Гобәйдуллин русчадан тәрж. Казан: Тат. кит. нәшр., 1968. 230 с.

Хикмэт Н. Егерме сигез хикәясе // Казан утлары. 1985. № 5. 163–169 б.

Хикмэт Н. Сөю турында әкият // Музей ТГАТ им. Г. Камала. Ф. 280. Оп. 3. Ед. хр. 380 (инв. № 546).

Хикмэт Н. Сыер / И. Әхмәтжанов тәрж. Каралама. 51 б. (басылмаган).

Хикмэт Н. «Мәхәббәт турында хикәят» (Фәрхәд-Ширин кыйссасы) / Л. Шакиржан тәрж. Каралама. 50 б. (басылмаган).

Хикмэт Н. Автобиография / М. Хөсәен // Татарстан яшьләре. 1985. 2 ноябрь.

Хикмэт Н. Зоя / Ш. Анак тәрж. // Ялкын. 1985. № 6. 6–9 б.

Хикмэт Н. Зоя / Ш. Мәхмүдов тәрж. // Пионер. 1951. № 7. 29–30 б.

Хисамов Н. Ш. Урта гасыр төрки шигърияте үсешендә болгар-татар һәм госманлы төрек әдәбиятлары (Сәнгатьчә фикерләүнең уртак нәтижеләре) // Хәтер сагында: Әдәби-фәнни мәкаләләр, ижат портретлары һәм публицистика. Казан: Мәгариф, 2004. 641 б.

Хисамов Н. Ш. Тамырлары Шәрәктә // Н. Ш. Хисамов. Татар шагыйрьләре. Казан: Тат. кит. нәшр., 2012. 262–274 б.

Шәрипов Ә. М. Әдәби бәйләнешләр // Татар әдәбияты тарихы: Алты томда. 3 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. 453–468 б.

НАЗЫЙМ ХИКМӘТ ҺӘМ ТАТАР МӘДӘНИЯТЕ

Аполлинария Сергеевна Аврутина,

Санкт-Петербург дәүләт университеты,

Россия, 190000, Санкт-Петербург, Университет яр буе ур., 11 нче йорт,
a.avrutina@spbu.ru.

Миләүшә Мөхәммәтжан кызы Хәбетдинова,

Казан федераль университеты,

Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
Mileusha.Habutdinova@kpfu.ru.

Төркия жөмһүрияте сәяси һәм икътисади сәбәпләр аркасында тиз арада төрки дөньяда өстенлек итә башлый һәм йөз еллар дәвамында төрки телле төбәкләрдә, кайвакыт хәтта империя чикләреннән еракта урнашканнарында да, мәдәни процессларның барышына йогынты ясый. Күп кенә төрки телле фикер ияләре Истанбулда укый, госманлы төрек телен белә һәм өлеге кавем хезмәттәшләре үрнәгендә ижат итә. Татарстан да моннан чыгарма булып тормый. XX гасырда Төркия жөмһүриятенә нигез салучыларда, диннән шактый ерак торган яңа идеаллар барлыкка килү һәм дөньяви идеология формалашуга карамастан, күп нәрсәдә мәдәни дөвамчанлык традициясе сакланып кала. Гомумән, төрки дөнья һәм, аерым алганда, Татарстан фикер ияләре идеологик яктан күбесенчә Төркиягә – төрки дөнья авангардына йөз тоталар, ләкин бу вакытта инде дини түгел, ә бары тик алдынгы һәм актуаль идеяләргә кабул ителә. Татар әдәбияты күп гасырлар дәвамында төрек әдәбияты белән жанлы диалог рәвешендә үсә. XX йөз татар әдәбияты тарихында төрек гуманисты, фикер иясе, коммунист язучы Назыйм Хикмәт Ран (1902–1963) ижаты мөһим урын алып тора һәм татарларның мәдәни тормышында зур яңгыраш таба.

Өлеге мәкаләнең максаты төрек язучысы ижаты һәм шәхесенә татар әдәбиятында кабул ителеше белән бәйле материалларны системалаштырудан гыйбарәт. Тикшеренүчеләрнең игътибар үзәгенә Н. Хикмәт эсәрләренә татар теленә тәржемәләре тарихы куелып, аның татар шигъриятендәге үзенчәлекле образы ачыла. Шигъри текстларны тикшерү барышында татар язучылары эсәрләренә Н. Хикмәт ижат жимешләре белән типологик охшашлыгы ачыклана. Төрек язучысы эсәрләренә татар театрындагы сәхнә интерпретацияләре тарихы буенча материал гомумиләштерелә.

Төп төшенчәләр: татар-төрек әдәби бәйләнешләре, Назыйм Хикмәт, тәржемә, сәхнә интерпретациясе, багышлау шигърьләре.